

ВЕСТНИК № 1 (33) • 2022

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 11 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Павленков Р.В., к.экон.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н.,

профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Давлетов А.А.,

д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент;

Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н.,

профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В.,

д.ю.н., доцент; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семьякин М.Н.,

д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор;

Шабуров А.С., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Андреев А.В., к.ю.н.; Аюпова Г.Ш., к.ю.н.; Бердникова О.П.,

к.ю.н., доцент; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Головизнин

А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н.; Грибунов О.П., д.ю.н.,

профессор; Гусев А.В., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н.,

профессор; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент;

Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент;

Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н.; Носкова Ю.Б., к.ю.н.,

доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадына О.В., к.ю.н.;

Плетникова М.С., к.ю.н., доцент; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент;

Сергеев Д.Н., к.ю.н.; Стельмах В.Ю., к.ю.н., доцент;

Татьянина Л.Г., д.ю.н., профессор; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.;

Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент; Щетинина Н.В., к.ю.н.,

доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудоярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли 12.00.00 – юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 30.03.2022. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 80 экз. Заказ № 12

Дата выхода в свет 31.03.2022. Свободная цена

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства	
<i>Власова С.В., Миллер В.Ю.</i> К вопросу о смене доктрины правового регулирования противодействия преступлениям в сфере экономики	5
<i>Градский В.Е.</i> Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации	10
<i>Зеленина О.А.</i> Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства в свете принципа презумпции невинности	15
<i>Количенко А.А.</i> Отличительные признаки и основания для классификации электронных доказательств в уголовном процессе	19
<i>Кудряшова Е.С.</i> О некоторых вопросах функционирования института приостановления предварительного расследования	24
<i>Миронова А.В.</i> Организационная деятельность органа дознания по сообщению об угоне транспортного средства	30
<i>Назаров М.В.</i> Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в целях возбуждения и расследования уголовных дел о дистанционных кражах и мошенничествах	35
<i>Никулина А.В., Сергеев А.Б.</i> Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие, содержание, признаки	40
<i>Плетникова М.С., Гарипов Т.И.</i> Очная ставка в современном уголовном процессе	47
<i>Рудакова С.В.</i> Следователь и его право обжалования	53
<i>Сафонова А.А.</i> Некоторые проблемы вступления защитника в уголовное дело	59
<i>Солодовник В.В.</i> Особенности применения упрощенной формы уголовного судопроизводства, связанной с назначением судебного штрафа	64
<i>Стельмах В.Ю.</i> Двойная ответственность за одно преступление: проблемы и спорные вопросы	70
<i>Ткачева Н.В.</i> Механизм реализации функции рассмотрения и разрешения уголовного дела в производстве суда первой инстанции	75
<i>Шкаплеров Ю.П.</i> Дознание согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи	81
Вопросы криминалистики	
<i>Оракбаев А.Б.</i> О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации	88
<i>Хамидуллин Р.С.</i> Обеспечение национальной безопасности путем противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	93
<i>Шруб М.П.</i> Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как криминалистическая категория: системно-структурный анализ понятия	99
Основные тенденции государственно-правового развития	
<i>Гусев А.В., Савоскин А.В., Галицков В.А.</i> Значение решений Суда Евразийского экономического союза для правового пространства стран-участниц и национальных судов	106
<i>Кожевников О.А.</i> Конституционализация нормативной основы местного самоуправления: тенденции и неопределенные перспективы	112
<i>Морозова А.С.</i> Об особенностях конституционно-правового статуса федеральной территории: обзор правовых позиций и юридической практики	119
<i>Столярова З.Н.</i> Административное законодательство в сфере миграции: новые тренды	124
<i>Хлебунова С.А.</i> Трудовые правоотношения в условиях цифровизации правовых и организационных миграционных механизмов	130
<i>Шурманов Е.А., Овчаренко П.А.</i> Всесоюзный спортивный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» и организационно-правовой статус добровольных спортивных организаций в СССР в 30-е годы	135
Проблемы теории права	
<i>Кротова Е.Н.</i> Общетеоретическая характеристика субъективных элементов состава неправомерного деяния	140
<i>Хрони Н.Н.</i> Приоритетная юридическая обязанность личности: исторический аспект	147
Уголовное право и уголовная политика	
<i>Агеев А.С.</i> К вопросу об объекте незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции	154
<i>Ермакова О.В.</i> Недостатки законодательной регламентации деяния и признаков потерпевшего в преступлениях против половой свободы и неприкосновенности	160
<i>Ефарова М.Н.</i> Уголовно-правовая характеристика действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств	164
<i>Мальшев К.С.</i> Некоторые вопросы законодательной регламентации норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности	168

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Уральского юридического института МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Научная статья
УДК 343.102; 343.136

Дознание согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи

Шкаплеров Юрий Павлович
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Беларусь,
shkaplerov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается нормативная регламентация и практика производства дознания согласно нормам Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. При этом формулируется вывод о том, что часть проблем в организации взаимодействия белорусских органов дознания со следователем порождены теми же условиями, с которыми столкнулись правоприменители в ходе реализации Судебной реформы во второй половине XIX – начале XX столетий.

Ключевые слова: история права, уголовный процесс, предварительное расследование, дознание, Устав уголовного судопроизводства Российской империи

Для цитирования: Шкаплеров Ю. П. Дознание согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 81–87.

Original article

Preliminary investigation according to the Statute of criminal legal procedure of Russian empire

Shkaplerov Yuri P.
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus,
shkaplerov@yandex.ru

Abstract. The article considers the normative regulation and practice of preliminary investigation according to the Russian Empire Criminal Procedure Statute of 1864. The author concludes that some problems in the process of interaction between Belarusian inquiry bodies and an investigator were generated by the same conditions that law-enforcement agencies faced during the judicial reforms in the second half of the XIX – early XX centuries.

Keywords: legal history, criminal procedure, investigation, Criminal proceedings Charter of Russian Empire

For citation: Shkaplerov Y. P. Preliminary investigation according to the Statute of criminal legal procedure of Russian empire // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 81–87.

Середина XIX в. для уголовно-процессуальной сферы Российской империи ознаменовалась началом проведения Судебной реформы, в ходе которой существенно трансформировалось как досудебное, так и судебное производство. В досудебном производстве самым серьезным новшеством явилось создание и отграничение друг от друга органов дознания и следствия. Такой подход по организации досудебной уголовно-процессуальной деятельности сохранился и сегодня точно так же, как и проблемы во взаимодействии органов дознания и следователя, что, как представляется, обуславливает необходимость анализа нормативной регламентации и проблемных

аспектов практики деятельности органов дознания согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), т. е. в первые десятилетия с момента их появления.

Начать необходимо с того, что реформирование организации досудебного производства началось с утверждения Указом императора Российской империи от 8 июня 1860 г. Учреждения судебных следователей, Наказа судебным следователям и Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям,

могущим заключать в себе преступление или проступок [4, с. 710–727]. Статьей 1 названного Указа декларировалось отделение следственной части от полиции и создание должностей судебных следователей. В свою очередь, в обязанностях полиции оставалось «только исследование по преступлениям и проступкам маловажным, которые предоставлены разбору и суждению самих полицейских властей, а также и первоначальное дознание о происшествиях, кои ... подлежат рассмотрению мест судебных» [1, с. 710].

Дальнейшее развитие нормативное регулирование дознания получило в УУС. В то же время в данном нормативном акте отсутствовало определение понятия «дознание». Как отмечал А. Тимановский, «законный термин «дознание», означая лишь один из способов судебно-полицейской деятельности, не определяет сам собою ни содержания, ни цели, ни значения действий дознающей полиции. Этот термин введен в закон лишь с тою целью, чтобы вполне отделить, так сказать, по внешним признакам, деятельность полиции от деятельности суда, действия формальные от действий не формальных» [2, с. 268–269].

По мнению Н.Н. Розина, под дознанием понимались «меры, принимаемые указанными в законе органами для установления по горячим следам события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника» [3, с. 415]. А.А. Квачевский, в свою очередь, определял дознание как «первоначальное производство, имеющее целью собирание данных для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния» [4, с. 3]. Также под дознанием понимались «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости и несправедливости дошедших до нее слухов и сведений о преступлении или о таких происшествиях, о которых без розысканий нельзя определить, заключается или не заключается в них преступление» [5, с. 285].

Как указывал А.А. Квачевский: «Дознание вырабатывает только сведения и указания, которые не имеют судебного характера; вся роль его ограничивается изысканием данных для деятельности следователя, содействием ей, облегчением ее; оно не имеет дела с судебными формами и обрядами, не оценивает фактов, не делает никаких определений о них, выводов, и потому может быть производимо лицами, не принадлежащими к судебному ведомству» [4, с. 5].

К числу органов дознания закон относил:

- 1) полицию;
- 2) военное начальство – по всем преступным деяниям военнослужащих;
- 3) гражданское начальство – по проступкам служебным, учиненным в сфере его управления;
- 4) духовенство – по служебным и маловажным проступкам священнослужителей;
- 5) чинов административных ведомств – в связи с

совершением преступлений против имущества и доходов казны;

б) жандармский корпус – по проступкам, совершенным на железных дорогах, а также по политическим преступлениям;

7) начальников сыскных подразделений и их помощников (согласно закону от 6 июня 1908 г.) [6, с. 375–376].

Основным органом дознания во второй половине XIX в. являлась полиция, полномочия которой в досудебном производстве после судебной реформы 1864 г. были существенно сужены и во многом являлись схожими с полномочиями современных белорусских органов дознания, в большей части – органов внутренних дел, хотя отечественный законодатель при корректировке УПК Республики Беларусь в 2011 г. вряд ли ориентировался на положения УУС.

Согласно ст. 250 УУС о «всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка», полиция сообщала судебному следователю и прокурору или его товарищу, после чего последние были обязаны произвести по данному факту разбирательство и при необходимости начать предварительное следствие. Такие сообщения полиции могли иметь вид сопроводительного письма – «бумаги», к которой прилагалось «письменное объявление, или жалоба, или протокол, составленный по словесному заявлению частного лица», или же оно могло «заключать в себе все сведения об обстоятельствах дела, необходимые для разрешения вопроса о том, есть ли основание приступить к предварительному следствию». Срок передачи сообщения – «немедленно и никак не позже суток по получении о том сведения», установленный законодателем в ст. 250 УУС, на практике в большинстве случаев не соблюдался [7, с. 261].

В соответствии со ст. 252 и 253 УУС полиция приступала к дознанию лишь в двух случаях:

1) при неприбытии (отсутствии) судебного следователя, либо прокурора или его товарища на место происшествия,

2) при самостоятельном установлении не вполне достоверных признаков преступления (к таковым, например, относились слухи – «народная молва»).

В научной литературе того времени приведенный перечень случаев называли также видами дознания [2, с. 269].

В ходе дознания, согласно ст. 254 УУС, полицейские чины могли проводить лишь «розыски», «словесные расспросы» и «негласное наблюдение», «не производя ни обысков, ни выемок в домах».

Термин «розыск» являлся нормативным и, по словам А.А. Соловьева, был известен российскому законодательству еще со времен судебных Ивана III и Ивана IV, а также уложения Алексея Михайловича, в которых под розыском понимался уголовный процесс, начинавшийся с момента появления лица, виновного в совершении преступления, а содержание розыска составляло доказывание его виновности. В последующих нормативных документах, до приня-

тия УУС, розыск и дознание слились со следствием, осуществляемым исключительно чинами полиции [8, с. 151].

В УУС розыск упоминался в указанной ранее ст. 254 (во множественном числе) как составная часть дознания, а в ст. 300 – как одна из разновидностей деятельности полиции, наравне с дознанием. При этом определения данного понятия в законе не имелось, в связи с чем среди практических работников и ученых отсутствовало единство мнений о его сущности. Например, И.Я. Фойницкий писал: «из ст. 254 вытекает, что розыски не противопоставляются дознанию и не являются его подготовительной стадией, а входят в само понятие дознания. Под ними разумеются все вообще меры удостоверения в искомом происшествии, предоставленные полиции». Давая затем характеристику розыску и называя его составные элементы, ученый включал в его состав все меры, реализуемые полицией в ходе дознания и выполнения поручений следователя (словесные расспросы, негласное наблюдение, осмотры, освидетельствования, обыски и выемки), т.е. ставил знак равенства между дознанием и розыском [6, с. 381].

В то же время другие авторы не считали розыск и дознание синонимами. Так, А.А. Квачевский отмечал, что в «своем особенном значении розыск составляет часть дознания, в обширном смысле – один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления; под дознанием же в тесном смысле разумеется собирание признаков одного преступления, без указания преступника» [4, с. 5].

Подобного мнения придерживался и П. В. Макалинский, который говорил, что «дознание и розыск употребляются часто в одном значении, но понятие о дознании обширнее понятия о розыске; последний представляется как бы частью первого, направленной на обнаружение чего-либо скрытого, не легко доступного; он предполагает быстроту действий и потому упоминается тогда, когда говорится о делах или обстоятельствах загадочных или важных, требующих особенной деятельности со стороны полиции» [9, с. 29–30].

Как и розыск, словесные расспросы и негласное наблюдение были действиями не процессуальными. Полицейские чины, согласно нормам УУС, не имели права не только допрашивать участников уголовного процесса, но и вызывать, а также доставлять их для проведения данного следственного действия. Исключение из этого правила составляло проведение неотложных следственных действий [5, с. 287], о чем речь пойдет ниже. То есть нормативный термин «словесный расспрос» необходимо понимать буквально и определять его как устную беседу, разговор полицейского чиновника с лицом, обладающим информацией о каком-либо происшествии.

Давая характеристику негласному наблюдению, стоит вспомнить слова И.Я. Фойницкого, который о данном термине говорил: «Выражение это, очевидно,

употреблено в противоположность явному или открытому надзору полиции и выбрано для того, чтобы означить, что меры этого рода, полицией предпринимаемые, не должны переходить в какие-нибудь стеснения личности» [6, с. 382]. В качестве современного аналога негласного наблюдения можно определенно назвать оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение», регламентированное Законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, полиция, действуя в порядке ст. 254 УУС, не только была не обязана, но и даже не имела права на составление какого-либо протокола, в котором показания были засвидетельствованы подписью иных, помимо дознавателя, лиц [5, с. 288]. То есть деятельность полиции при производстве дознания должна была «сопровождаться следующими тремя основными условиями: а) полной негласностью; б) меньшим стеснением частных лиц и в) неисполнением таких действий, которые по закону совершаются в формах, предписанных для производства следствий, если, конечно, в последнем случае полиция действует не в качестве судебного следователя» [2, с. 270].

Несмотря на непроцессуальный характер дознания, со временем на практике стали приемлемыми случаи проведения полицейскими чиновниками отдельных следственных действий с соответствующим процессуальным оформлением их хода и результатов. Например, определением уголовного кассационного департамента Сената от 1 ноября 1883 г. полиции разрешалось производить вскрытие трупов как судебно-медицинское исследование, хотя такое решение в уголовно-процессуальной доктрине признавали не в полной мере соответствующим закону [2, с. 267].

Проведя негласную проверку по факту совершения преступления и собрав необходимую информацию, полицейский чиновник излагал ее за своей подписью в «акте дознания» – процессуальном документе, предоставляемом следователю для принятия решения о начале следствия. При этом данный акт (в некоторых случаях он назывался протоколом) не являлся доказательством [10, с. 597–598] и не мог быть оглашен в суде. Вместе с тем в практической деятельности полицейские чиновники составляли такой акт и при производстве неотложных следственных действий при неприбытии (отсутствии) судебного следователя либо прокурора или его товарища на место происшествия. В последнем случае по решению Сената акт дознания мог быть использован для доказывания по делу [6, с. 385].

Затронув нормативную регламентацию и практику производства неотложных следственных действий полицией согласно УУС, необходимо рассмотреть этот вопрос более подробно. Как отмечалось ранее, в соответствии со ст. 252 и 253 УУС полиция приступала к дознанию также в случае неприбытия (отсутствия) судебного следователя или прокурора на место совершения преступления. При таких обстоятельствах, согласно ст. 258 УУС, когда до прибытия указанных

должностных лиц следы преступления могли быть утрачены, полиция заменяла их «во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках». В законе особо отмечался запрет на проведение полицейскими чинами формальных допросов свидетелей и обвиняемых [10, с. 311], за исключением случаев, когда «кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя» (ст. 258 УУС).

Как видно из приведенной нормы, перечень неотложных следственных действий был закрытым. Вместе с тем на практике полицейские чиновники проводили следственные действия, не относящиеся к неотложным, например, допросы свидетелей и обвиняемых, без учета требований ст. 258 УУС (тяжелая болезнь данных участников уголовного процесса и т.д.). И наоборот, в ряде случаев полиция «даже при явных, очевидных следах преступления» не проводила необходимых неотложных следственных действий, а ограничивалась лишь сохранением следов (стоит отметить, что такой подход, но только «без вреда для дела», некоторые авторы, например, П.В. Макалинский [9, с. 42], опираясь на нормы права, считали обоснованным). И даже несмотря на последнее обстоятельство, а также на то, что замена судебного следователя полицейскими чиновниками рассматривалась в УУС как исключение из общего правила, «в действительности из 100 в 90 делах осмотры, в особенности взломов, обыски, вообще собрание большей части следственного материала» производилось «силами полиции» [2, с. 263, 273, 275]. Вместе с тем все указанные отступления от положений закона приводили к тому, что «составляя безразлично протоколы, как во время дознания, так и во время замены судебного следователя, полиция» приучалась «не разграничивать свои действия по дознанию от чисто следственных действий» [9, с. 34], что порождало новые нарушения законодательства.

Отдельно нормативно регламентировалось применение полицией «мер пресечения» – мер уголовно-процессуального принуждения в современном их понимании, к числу которых ст. 416 УУС относил:

1) отобрание вида на жительство или обязательство подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства;

2) отдача под особый надзор полиции;

3) отдача на поруки;

4) взятие залога;

5) домашний арест;

6) взятие под стражу.

Вместе с тем в ст. 256 и 257 УУС, содержащих нормативные дозволения о применении полицией мер пресечения, не указывалось, какие именно из них можно реализовывать в ходе дознания. В литературе того времени ученые и практики придерживались мнения о том, что УУС не содержит в этом плане никаких ограничений [9, с. 272], хотя в практической дея-

тельности полицейские чины «обыкновенно» заключали подозреваемых под стражу [2, с. 273].

Интересно отметить тот факт, что УУС не содержал отдельной общей нормы, устанавливающей основания применения мер пресечения. В то же время, ст. 257 УУС в качестве оснований применения конкретно полицией мер «к пресечению подозреваемому способ уклоняться от следствия» называла случаи, когда:

1) подозреваемый был застигнут при совершении преступного деяния или непосредственно после его совершения;

2) потерпевшие или очевидцы прямо указывали на подозреваемое лицо;

3) на подозреваемом или в его жилище были найдены явные следы преступления;

4) вещи, служившие доказательством преступного деяния, принадлежали подозреваемому или оказывались при нем;

5) подозреваемый пытался скрыться или был пойман после побега;

б) подозреваемый не имел постоянного жительства или «оседлости».

Следует обратить внимание на тот факт, что приведенный перечень более близок к современному перечню оснований задержания, содержащихся в ст. 91 УПК Российской Федерации и ст. 108 УПК Республики Беларусь, нежели к перечню оснований применения мер пресечения, закрепленных в ст. 97 российского и, соответственно, ст. 117 белорусского уголовно-процессуального закона. Данное обстоятельство представляется неслучайным, т.к. законодатель в указанной статье УУС говорил исключительно о действиях полиции (а не следователя), относящихся к неотложным и являвшимся характерными для первоначального этапа расследования после получения сообщения о преступлении. Здесь необходимо отметить, что и УУС, и авторы-процессуалисты на рубеже XIX–XX в. при разъяснении приведенной нормы права применяли процессуальный термин «задержание». В частности, В. Ширков и М. Шрамченко писали об обязанности полицейских чиновников, застигнувших лицо «при самом совершении преступления... временно задержать его для составления протокола [курсив – Ю.Ш.] и для удостоверения о его личности и месте жительства» [10 с. 310]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что основания, закрепленные в ст. 257 УУС, со временем трансформировались в основания задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, отраженные сегодня в ст. 91 УПК Российской Федерации и ст. 108 УПК Республики Беларусь.

Согласно ст. 260 УУС по прибытии судебного следователя полицейские чиновники, осуществлявшие производство по делу неотложных следственных действий, передавали ему дело, прекратив по нему свои действия до получения особых поручений следователя. О поручениях следователя речь также шла в ст. 271 УУС, в соответствии с которой судебный следователь имел право «поручать полиции производ-

ство дознаний и собрание справок по сделанным им указаниям», о чем говорилось ранее.

УУС не определял, в какой форме следователем должны были даваться поручения органу дознания. По мнению П. В. Макалинского, «ввиду практических удобств» данные поручения могли быть как письменными, так и устными. При этом автор отмечал, что «само собою разумеется, что если полицейский чиновник, которому следователь дает поручение, желает получить его на бумаге, то следователь не имеет права ему в этом отказать, так как словесное поручение не оставляет по себе никакого следа, который в данном случае полицейский чиновник считает необходимым для своего ограждения» [9, с. 51].

Статья 260 УУС не в полной мере коррелировала ст. 255, в соответствии с которой после передачи дела судебному следователю полиция впоследствии сообщала ему «все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету». О передаче материалов дознания следователю полиция доносила прокурору или его товарищу. Данная коллизия уголовно-процессуальных норм сотрудниками полиции понималась по-своему: после передачи дела следователю во многих случаях они не считали нужной для себя дальнейшую работу по нему. В частности, прокуроры сообщали о том, что «местная полиция, несмотря на неоднократные настояния, не принимает мер к обнаружению виновников преступления, считая обязанностью свои оконченными после произведенного ею дознания, и что дознание это ограничивалось в данном случае единственно помещением в протокол того, что было найдено на месте, и передаче сего протокола на распоряжение судебного следователя» [9, с. 20]. При этом официально констатировалось, что «отсутствие правильно организованного, параллельно с предварительным следствием и тесно с ним связанного, подлежащим образом руководимого розыска, составляет один из самых существенных, ничем не устранимых недостатков настоящей следственной практики» [2, с. 271]. Особенно сказанное касалось дел, по которым не был установлен подозреваемый. Такое положение вещей вынудило МВД указать «полицейским управлениям, чтобы они в точности выполняли указанные в ст. 253–255 и 484 уст. угол. суд. обязанности и тем доставляли лицам прокурорского надзора и судебным следователям действенное пособие к раскрытию обстоятельств дел, подлежащих исследованию» [9, с. 20]. Приведенная ситуация в определенной мере напоминает сегодняшние отношения органов дознания и следователей в Беларуси.

Как и в наши дни, споры между представителями следствия и дознания во времена действия УУС были не единичными, но, что интересно, они регулярно всплескивались на страницы юридической печати. Так, например, высказывалось мнение о наличии права у следователя, не начиная предварительное следствие, возвращать полиции «для дополнения произведенное ею дознание, если им не установлен факт преступления или не выяснен его состав, обуславливающий

собою определение подсудности дела». Вместе с тем, такой подход вполне аргументированно оспаривался, в том числе – со ссылкой на решение Сената, который в своем определении от 11 мая 1909 г. указал, что следователь не имел права давать полиции поручение дополнять дознание, т.к. такое полномочие имелось лишь у прокурора или его товарища. Если же следователь не усматривал «в сообщении полиции достаточных оснований к производству следствия», то он должен был передать дело товарищу прокурора, который и принимал соответствующее решение (ст. 309 УУС) [9, с. 28–29].

В соответствии со ст. 279 УУС при производстве дознания полицейские чины состояли «в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей». То есть прокурор, осуществлявший надзор за дознанием, согласно УУС имел полномочия, во многом схожие с теми, которые сегодня закреплены в ст. 34 УПК Республики Беларусь, в частности, он обладал правом «разъяснять полиции порядок производства дознаний и давать ей по этому предмету циркуляры» [11, с. 320].

Завершая рассмотрение процессуальной регламентации дознания в УУС, целесообразно привести высказывание А.А. Квачевского, который говорил, что закон не содержал «подробных правил о способах и формах производства дознания и розыска, как это сделано относительно производства предварительного следствия; закон в общих выражениях указывает только на цель и содержание дознания (уст. угол. суд. ст. 50, 252, 253) и на средства, которыми собираются сведения по дознанию и розыску (ст. 254), для определения лишь границ прав и обязанностей; в этих границах закон предоставил ответственному усмотрению лиц дознающих и разыскивающих употреблять способы и формы, какие они признают наиболее удобными для собирания сведений, открытия истины, ...закон не хотел стеснять полицию правилами о способах, обрядах и формах производства, так как дознание и розыск менее других частей уголовного производства нуждаются в этих правилах и, напротив, требуют наиболее простоты для достижения своей цели – успешной деятельности, удачного собирания сведений на первых порах, по горячим следам» [1, с. 165].

Однако и такое, довольно общее нормативное регулирование дознания создало условия для возникновения «трений» между органами дознания и судебными следователями. Что интересно, аналогичные проблемы взаимодействия следователя с органами дознания, в большей мере – с органами внутренних дел, в белорусском уголовном процессе возникли с созданием в 2012 г. Следственного комитета. А их разрешение, несмотря на активно предпринимаемые Следственным комитетом, МВД и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь меры, отчасти не закончено и по сей день. То есть незнание белорусским законодателем данного аспекта развития уголовного

процесса привело к повторению событий, имевших место во второй половине XIX в., но уже в XXI веке.

Вместе с тем стоит отметить, что те общие подходы к определению перечня органов дознания, их полномочий, а также разграничению компетенции органов дознания и следователя, которые заложили в закон создатели УУС, несмотря на исторические перипетии начала и конца XX ст., не только сохранились, но и получили свое дальнейшее развитие уже в законодательстве СССР и союзных республик, а также большинства государств, существующих теперь на постсоветском пространстве. Представляется, что в обозримой перспективе данная концепция, несмотря на имеющиеся в ней изъяны, не претерпит существенной трансформации в силу отсутствия для нее оптимальной альтернативы.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. Т. 35: 1860, отд-ние 1: от № 35303-36058. 1862. 960 с.

2. Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866–1891). Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. 2000 тезисов. 1892. 2-е изд. Варшава: Тип. К. Ковалевского. 651 с.

3. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд. СПб.: Издание Юрид. книж. склада «Право», 1914. 546 с.

4. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: в 3 ч. СПб.: Типография Ф. С. Сущинского, 1867. Ч. II. 371 с.

5. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / редкол.: О. Чистяков (гл. ред.) [и др.]. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа / Б. Василевский [и др.]. 496 с.

6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / общ. ред., послесл. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.

7. Мордухай-Болтовской В. П. Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов: при исследовании преступлений по судебным уставам 20 ноября 1864 года и правилам, высочайше утвержденным 19 мая 1871 года. Санкт-Петербург: типография Ретгера и Шнейдера, 1872. XII, 168 с., 5 л. табл.

8. Соколов А. А. Практическое руководство для судебных следователей: в 3 т. Вильна: тип. А. Г. Сыркина. Т. 1. 1891. 574 с.

9. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах: в 2 ч. / доп. В. П. Ширковым. 7-е изд. (посмертное). Петроград: тип. М. Меркушева, 1915. Ч. 2. 842 с.

10. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. 3. Ст. 249–594 / Под общ.

ред. проф. М. Н. Гернета. М.: Изд. М. М. Зива, 1914. [2], IV с., с. 583–944.

11. Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост.: В. Ширков, М. Шрамченко. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1899. 948 [56, IV] с.

References

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2nd. SPb.: Type. 2nd Division Own. her emperor. Majesty's Office, 1830-1885. T. 35: 1860, section 1: from No. 35303-36058. 1862. 960 p.

2. Timanovsky A. Collection of interpretations of Russian lawyers to the judicial charters of Emperor Alexander II. For twenty-five years (1866–1891). Establishment of Judicial Institutions and the Charter of Criminal Proceedings. 2000 theses. 1892. 2nd ed. Warsaw: Type. K. Kovalevsky. 651 p.

3. Rozin N. N. Criminal proceedings: a guide to lectures. 2nd ed. SPb.: Jurid. books. warehouse «Pravo», 1914. 546 p.

4. Kvachevsky A. A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes according to the judicial charters of 1864: at 3 o'clock. St. Petersburg: F. S. Sushchinsky Printing House, 1867. Part II. 371 p.

5. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes / editorial board: O. Chistyakov (editor-in-chief) [and others]. M.: Yurid. lit., 1991. T. 8: Judicial reform / B. Vasilevsky [and others]. 496 p.

6. Foinitsky I. Ya. The course of criminal proceedings: in 2 volumes / gen. ed., after A. V. Smirnova. St. Petersburg: Alfa, 1996. Vol. 2. 606 p.

7. Mordukhai-Boltovskoy V.P. Collection of legalizations for the leadership of police officers and the gendarme corps: in the study of crimes according to judicial charters on November 20, 1864 and the rules approved by the highest on May 19, 1871. St. Petersburg: printing house of Retger and Schneider, 1872. XII, 168 p., 5 sheets. tab.

8. Sokolov A. A. A practical guide for forensic investigators: in 3 volumes. Vilna: type. A. G. Syrkina. T. 1. 1891. 574 p.

9. Makalinsky P. V. A practical guide for forensic investigators attached to district courts: in 2 hours / add. V. P. Shirkov. 7th ed. (posthumous). Petrograd: type. M. Merkusheva, 1915. Part 2. 842 p.

10. Charter of criminal proceedings. Systematic comment. Issue. 3. Art. 249–594 / Under the general ed. prof. M. N. Gernet. M.: Ed. M. M. Ziva, 1914. [2], IV p., p. 583–944.

11. Charter of criminal proceedings. With later legalizations, legislative motives, clarifications of the Governing Senate and circulars of the Minister of Justice / compiled by: V. Shirkov, M. Shramchenko. SPb.: Ed. legal book. store N. K. Martynov, 1899. 948 [56, IV] p.

Информация об авторе

Шкаплеров Юрий Павлович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Shkaplerov Yuri P. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.